

УМЕНИЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ

КОГДА в Киев весной 1924 года приехал известный русский актер Илларион Николаевич Певцов и замескали на улицах афиши, приглашающие на «Живой труп» с его участием, воспитанников студии при Соловцовском театре вызвали на репетицию.

Им случилось и прежде выходить в массовках, на этот раз в драме Л. Н. Толстого они изображали «хор цыган». Певцов репетировал Федю Протасова не как обычный гастролер, которому дела нет до всего остального. Ему хотелось добиться взаимного понимания с партнерами, найти атмосферу, в которой жизнь толстовского Федя потечет естественно и просто. На репетиции картины «У цыган» его интересовало решительно все: как поет цыганский хор, как ведет себя Маша, как получается у нее «Не вечерняя»... Но «Не вечерняя» у Маши не получалась. Актриса М., игравшая эту роль, оказалась безгололой. И вот за день до спектакля петь Машины романсы назначили ученицу театральной школы, занятую до этого в хоре цыган.

Звенели гитары. Маша—М., усевшись впереди хора, открывала рот, как в немом кино. И никто не заподозрил бы подделки, если бы не сам Певцов: он отвернулся вдруг от своей партнерши, попросту забыл про нее. Девушка из хора голосом протяжным и низким, совсем не по-ученически пела про вечернюю зарю, «спотухавшую» в степи, про тройку быстрых серо-пегих коней. Вздвонивший и удивленный ее пением, он произнес Федины слова тихо и с восторгом: «Вот это она. Вот это она. Удивительно...»

В антракте ему сказали, что получилась «накладка»: «Вы забыли о Маше, отвернулись в другую сторону, публика, наверно, заметила...» Певцов ответил: «И пусть замечает. Мне, Феде, важнее всего в этой сцене слушать, вливать в себя песню, а не притворяться, что я слушаю. Спасибо молодой исполнительнице, она мне очень помогла сегодня!»

Фамилия девушки была Добржанская. Тогда еще никто не знал ее по имени-отчеству—Любовь Ивановна.

В Киеве, в родном своем городе, она и начала актерский путь. За десять лет сыграно 70 ролей! Добржанская — первая исполнительница роли Комиссара в «Оптимистической трагедии» (как известно, пьеса Вс. Вишневского впервые была поставлена в Киеве и потом уже в Москве). Автор «Оптимистической трагедии» был доволен и киевской постановкой, и исполнительницей главной роли. В записной книжке Вс. Вишневского, в заметке от 20 ноября 1933 года, читаем о Комиссаре — Добржанской:

«В Киеве просто сделали, по-настоящему эту роль—убеждала: «своя!»»

С 1934 года Любовь Ивановна Добржанская — актриса Центрального театра Советской Армии. Здесь ее учителем и творческим единомышленником становится крупнейший режиссер, педагог и деятель советского театра Алексей Дмитриевич Попов. У них общие поиски и общие радости.

Поставленный А. Д. Поповым спектакль «Укрощение строптивой» сейчас всеми признан одной из вершин в советской Шекспириане. Его цитируют, на него ссылаются, без него трудно представить историю советского театра. А когда-то это была длительная внеплановая работа, показанная впервые в ноябре 1937 года в Хабаровске во время гастролей театра.

Успех Добржанской в этой роли — за пределами обычной театральной удачи. Ее Катарина вышла на сцену не ради решения спора строптивой со строптивым, не ради старинного семейного анек-

дота. Миссия Катарины — Добржанской значительнее. Она утверждает гуманные принципы жизни, право человека на уважение и свободный выбор судьбы. Ум, воля, решительность этой Катарины, солнечность натуры, нежелание быть униженной делают ее тем крупным женским характером, который, оставаясь достоверным на почве шекспировской комедии, принадлежит тем не менее не только прошлому, но и настоящему.

И все же самой дорогой для актрисы стала ее Шура Азарова, бесстрашная русская девушка-воин. Она сыграла ее

в героической комедии А. Гладкова «Давным-давно» поздней осенью 1942 года. Шура Азарова Добржанской — едва ли не самый поэтический образ русской девушки-патриотки на советской сцене. Это не только творческая удача актрисы, торжество ее мастерства и таланта. Это пример искусства патриотического, гражданского, воспевшего храбрость, беззаветную любовь к Отчизне, ратный подвиг во имя ее. Добржанская играла отважную героиню лиричной, женственной, как бы взлетевшей на крыльях поэзии.

Можно вспомнить превосходные гусарские сцены спектакля, где девушка-воин попадает в комическое и в то же время драматическое положение; романтику ее приключений, встречу с Кузюзовым в доме с заведенными окнами. Можно говорить о чуде перевоплощения — ведь появление Шуры в голубом доломане было не простым переодетием, она чувствовала себя воином, новая одежда была ей удобна. И такая была вера в победу у молоденького гусара, так сиял взор и душа рвалась навстречу бою, что историческая стихотворная комедия о том, что было давным-давно, становилась вдруг сегодняшней, современной. А главное — она была нужной людям, переживавшим холодную осень и метельную зиму 1942 года, ждавшим вестей с фронта.

Добржанская никогда не боялась героинь «на возраст», она искусственно старила себя на сцене, если требовала пьеса, меняла внешность до неузнаваемости, менее всего думая сохранить в роли свои личные качества, свое обаяние. Ее актерский переход не стал трагедией, а в чем-то он помог обнаружить новые грани ее таланта. Совершился этот переход не «вдруг», а исподволь, по доброй воле актрисы. Еще продолжая быть юным корнетом Шурой Азаровой, актриса уже работала над ролью мадам Буткевич — потренированной жизнью авантюристки в «Незабываемом 1919-м». Ее толкование роли часто становится своего рода театральным открытием. Это произошло и в «Профессии миссис Уоррен». Вместо «старой мошенницы» (как называет ее сам Шоу в ремарке), вместо накрашенной особы, весь вид которой подчеркивал ее профессию, на террасу маленького дачного домика, увитого диким виноградом, входит стройная, еще молодая женщина в летней шляпке, красном, может быть, чересчур ярком жакете, с солнечным зонтиком в руке. Вполне приличная дама, полная сознания собственного достоинства; и только смех, откровенный, здоровый, раскатыстый — так хохочут торговки на рынке или прачки у реки — только этот смех выдает ее сразу и безоговорочно.

Обычно исполнительницы роли Уоррен выуживают из ее прошлого только темные и нечестные моменты. Не то у Добржанской. Она зачерпнула жизнь Китти Уоррен намного глубже, обнаружив в ее биографии не только «профессию», но и социальные корни образа.

МНОГО РОЛЕЙ в репертуаре актрисы и больше всего ролей наших современников — советских женщин. Только за десятилетие пришли и остались с нами (хоть и не все спектакли удержались в репертуаре) колхозница Ганна Чихнюк, маячиха тетя Паша, Левониха из белорусского села, мать погибшего матроса Анна Петровна, интеллигентка из Ленинграда Спасская, молдаванка Василица, старая киргизка Толгонай... Эти разные женщины, созданные талантом Добржанской, всегда чем-то похожи. И прежде всего силой характера, человеческим достоинством, волей к жизни.

Ее Василица («Каса маре») — живой, сегодняшний человек, мыслящий и поступающий современно. Именно поэтому «Каса маре» в ЦТСА не звучит как ущербная истоия поздней любви, а становится очень сильным, мужественным, светлым рассказом о женщине, которая умеет беречь чужое счастье больше, чем свое собственное, заботиться прежде всего о других и потом уже о себе и в этом полагает смысл жизни. Это психология современного советского человека, и то, что Василица в спектакле лишена эгоизма, то для нее на свете нет ничего дороже людей, для которых она живет, дает основание актрисе с гордостью и уважением относиться к Василице, а нам особенно высоко ценить актерскую работу Добржанской.

Порой кажется, будто ее Василица почти весь спектакль неподвижно стоит в углу — там, где примостился глиняный цветочный горшок с простой веселой травкой, или так же неподвижно сидит на лавке. Стоит, сидит, разговаривает, а чаще слушает других, — и в то же время прокручивает для себя для одной киноленты своей жизни, думает свою думу. Этот постоянный «внутренний монолог», который мы избыточно читаем, несмотря на отсутствие малейших стараний актрисы обратить на себя внимание, оказывается и убедительнее, и глубже, и поэтичнее подчеркнутых, преувеличенных театральных чувств.

Секрет актерской удачи Добржанской прежде всего в том, что в пьесе, сюжет которой составляет довольно грустная история запоздалой любви, ей очень хотелось рассказать о том, что такое умение быть счастливым.

Ее Василица — талантливый человек, неистребимая оптимистка, которая любит небо, любит трудиться не разгибая спины, любит молдаванский танец переницу, которую исполняет где-то на улице четыре неистовые скрипки, — и поэтому продолжает, поборов трагедию запоздалой любви, быть счастливой, счастливой, несмотря ни на что.

Это роднит Василицу со старой киргизкой Толгонай, которую Добржанская сыграла прошлой весной не на сцене своего театра, а в спектакле Московского театра имени К. С. Станиславского «Материнское поле». И у Толгонай любовь к земле, и у нее талант быть счастливой: уцепиться хоть за травинку, но только не сдаться, не сникнуть.

На нее валится одна беда за другой — она же старается быть опорой людям, старается им доказать, что в жизни есть радость. И доказывает.

Добржанская играет Толгонай легко, будто импровизируя, и вместе с тем открывает глубинные пласты жизни. Никакой бутафории, никаких внешних изменений, все та же старая Толгонай, пришедшая в степь и поведавшая нам всю свою жизнь, а перед нами, как живые, то девчонка-чудачка, любящая впервые и слушающая «своего» жаворонка, то мать, получившая четыре «похоронные», то неутомимая бригадирша, покачивающаяся в седле, то совсем одинокий человек, сумевший стать опорой для осиротевшего мальчика. (Это урок актрисам, пробующим «играть возраст»: Добржанская и в гриме старой Толгонай способна убедить, что ее героине семнадцать или за тридцать!)

Актриса участвует в спектакле и как бы от своего имени, становясь поверенной автора, размышляя над судьбами людей, вершит суд над неправдой, требует от себя и от нас максимальной отдачи сил, стойкости, человечности.

«Материнское поле» с ее участием — это и гимн труду, и проклятье войне, и прославление жизни. И вполне закономерно, что именно эта работа Л. Добржанской и ее Василица из «Каса маре» выдвинуты сейчас на соискание Ленинской премии.

О. ДЗЮБИНСКАЯ.

На снимке: Л. Добржанская в роли Толгонай.